

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ МОБИЛИЗАЦИОННОГО ВИДА КАК СПОСОБ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ COVID-19*

В.О. Макаров

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Информация о статье

Дата поступления –
09 августа 2021 г.
Дата принятия в печать –
10 октября 2021 г.
Дата онлайн-размещения –
24 декабря 2021 г.

Ключевые слова

Экспериментальный правовой режим, COVID-19, правовой режим, правовой эксперимент, «регулятивные песочницы», юридическая техника, классификация правовых экспериментов, законность, экспериментальные правовые режимы мобилизационного вида

Предлагается авторская классификация, предполагающая выделение оптимизирующих, прогрессивистских и мобилизационных экспериментальных правовых режимов по цели экспериментального законодательства. Обосновывается относительность ограничительных мер, установленных в целях недопущения распространения вирусной инфекции COVID-19, к экспериментальным правовым режимам мобилизационного вида. Выделяются направления развития экспериментального законодательства, предполагающие их легитимацию и повышение законности. Доказывается, что конституционность экспериментального законодательства возникает при ограничении принципа правовой определенности только при наличии правовых гарантий, к которым предлагается отнести цели правового эксперимента и оценку их последствий.

EXPERIMENTAL LEGAL REGIMES OF MOBILIZATION TYPE AS A METHOD OF LEGAL REGULATION IN THE CONTEXT OF COVID-19 SPREAD**

Vladislav O. Makarov

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Article info

Received –
2021 August 09
Accepted –
2021 October 10
Available online –
2021 December 24

Keywords

Experimental legal regime, COVID-19, legal regime, legal experiment, “regulatory sandboxes”, legal technique, classification of legal experiments, legality, experimental legal regimes of mobilization type

The subject is an experimental legal regulation established to prevent spreading of COVID-19 viral infection and legal restrictions aimed to minimize its consequences.

The aim of the study is to confirm or refute scientific hypothesis that these restrictive measures may be designated as the experimental legal regimes of mobilization type.

The research methodology is based on formal logics, structural and systemic analysis as well as on legal forecasting and legal interpretation methods. The theoretical basis of the research includes well-known legal science categories, i.e. legal regime and legal experiment that get a new interpretation with the appearance of experimental legal regime institute.

The main results of the research, scope of application. Experimental legal regime is a broader legal phenomenon than regulatory sandboxes, which includes not only regulation of the digital innovation sphere, but also other rules that are limited in time and space. There are legal regimes with signs of experimentation that are not officially identified by the state as experimental legal regimes. The work studied the experience which arose due to modern changes in state and legal regulation caused by the global epidemic of COVID-19. It is suggested to divide the legal experiments according to the purpose of experimental legislation into the following groups: optimizing, progressive and mobilization ones. The aim of the first group named “Optimizing legal experiments” is to test using of new regulation applied to a large and complex object. The second group named “Progressive legal experiments” is intended to check whether the abandonment of old laws is beneficial in the innovation field. The result is creation of a smart regulation for economic and

* Публикация подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-011-00583 А).

** The article was funded by Russian Foundation of Basic Research (RFBR), project number 20-011-00583 A).

technological development. The third group named "Mobilization legal experiments" is aimed at maintaining of the existing level of resources, security, and infrastructure in the event of critical situations. It is being proved that the legal restrictions aimed at preventing of COVID-19 viral infection spreading can be classified as experimental legal regimes of mobilization type. The criterion for distinguishing of mobilization experimental legal regimes from others is the voluntary participation in the legal experiment and the goal of the experimental legal regime.

Conclusions. The development of mobilization experimental legal regimes implies raising of their legality. It can be achieved by the provision of legal guarantees such as the goals of the legal experiment and the evaluation of their consequences. This will allow identify whether the consequences of the experiment correspond to the goals of the new legal regulation. There must be grounds for limitations to legal certainty caused by legal experimentation. Their manifestation is the goal and evaluation criteria, with the help of which it is possible to determine whether the consequences of the establishment of the experiment correspond to the goals of the new legal regulation. Otherwise, there is a risk of unjustified infringement of the rights and legitimate interests of citizens.

1. Введение

Понятие экспериментального правового режима является комбинацией следующих категорий: «правовой режим» и «правовой эксперимент».

Понятие «правовой режим» известно российской правовой науке давно и получило разработку в трудах многих российских ученых, таких как С.С. Алексеев, Г.С. Беляева, В.А. Горленко, В.Б. Исаков, А.В. Малько, Н.И. Матузов, Л.А. Морозова, О.С. Родионов, Э.Ф. Шамсумова и др. Так, С.С. Алексеев понимает под правовым режимом «порядок регулирования, выраженный в комплексе правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных обязываний и создающих особую направленность регулирования» [1, с. 185]. Правовой режим – это именно особый порядок правового регулирования, который вводится в действие по специфическим мотивам, с учетом самобытности социальной ситуации, и не применим в таком же виде в других сферах.

Его основные признаки: обязательное нормативно-правовое закрепление; специфическая цель; особый порядок регулирования; создание благоприятных (неблагоприятных) условий для удовлетворения интересов субъектов права; системный характер; комплексный характер; особая структура. В зависимости от того, какие правовые средства преобладают в правовых режимах, они делятся на создающие преимущества для субъектов права и ограничивающие их субъективные права и свободы [2].

Категория «правовой эксперимент» является менее исследованной. В зарубежной науке идея о необходимости проведения правовых эксперимен-

тов в правотворческой деятельности возникла еще в 1950-е гг. Правотворчество должно быть научно обоснованным, и именно взаимодействие практической юриспруденции и правовой науки создает проекты экспериментов, реализация которых может потенциально повысить качество правотворческой деятельности. В связи с тем, что сфера информационно-коммуникационных технологий в тот период находилась только в начале своего развития, в качестве примера для применения правовых экспериментов предлагалось договорное право, в частности механизмы *RPM* – удержания производителем розничных цен при перепродаже [3]. Описывались и изменения в процедуре судебно-медицинской экспертизы по делам о причинении вреда здоровью, а также сложности, возникающие при более широком применении правовых экспериментов в деятельности судов [4]. Одной из первых отечественных монографий, посвященных комплексному изучению рассматриваемого вопроса, является исследование под редакцией В.И. Никитинского и И.С. Самощенко, в котором под правовым экспериментом понимается «организованная компетентным правотворческим органом апробация предполагаемых законодательных нововведений в ограниченном масштабе для проверки эффективности, полезности и экономичности экспериментальных правовых норм и разработки оптимальных вариантов будущих правотворческих решений общего действия» [5, с. 26]. Исследованию правовых экспериментов в современной России посвящены работы В.Н. Ельцова, который указывает, что «правовой эксперимент – это и метод научного познания, и метод преобразования правовой действительности» [6, с. 13]. Теоретиче-

ским осмыслением рассматриваемой правовой категории на примере зарубежного опыта является работа В.А. Сивицкого и М.Ю. Сорокина, в которой выделяются следующие основания для проведения правового эксперимента: 1) конкуренция различных моделей регулирования новых общественных отношений, 2) стремление продемонстрировать обществу приемлемость нового варианта регулирования уже существующих отношений. Кроме этого, существуют ситуативные факторы, которые могут стать основанием для введения экспериментального правового регулирования (например, напряженная инвестиционная ситуация, которая требует более смелых правотворческих решений) [7].

При этом в большинстве работ современной научной литературы изучается только один вид правовых экспериментов – «регулятивные песочницы» (см., напр.: [8–12]), под которыми автор предлагает понимать специальные нормативно предусмотренные ограниченные во времени и по своему предмету национальные или международные экспериментальные правовые режимы, направленные на тестирование цифровых инноваций, посредством применения к участникам исключений из действующего правового регулирования и реализуемые под контролем законодательно определенного регулятора [13]. «Регулятивные песочницы» являются распространенным правовым экспериментом, проводимым с 2016 г. в Великобритании¹, Австралии, Сингапуре, Индонезии, Малайзии², Таиланде³, Гонконге⁴ и т. д. В соответствии с предлагаемой в работе классификацией, указанный вид правовых экспериментов относится к прогрессивистским правовым экспериментальным режимам, которые будут подробнее рассмотрены далее в настоящей статье.

Отметим, что В. Б. Наумов предлагает использование категории «прорывное регулирование», охватывающей как экспериментальные правовые режимы, так и особые экономические зоны, инновационные центры. Данная модель может включать в

себя: «1) специальный правовой режим для инвесторов и иных субъектов цифровой экономики; 2) временное ограничение действия части нормативно-правового регулирования экономики для субъектов, на которых будет распространено “прорывное” регулирование; 3) право специального уполномоченного органа (управляющего) определять нормы регулирования для бизнеса в рамках своих полномочий; 4) создание центра компетенции посредством горизонтального сотрудничества государства и бизнеса при выборе путей развития и разработке новых норм в ходе “прорывного” регулирования» [14, с. 9]. Полагаем, что «прорывное регулирование» является более широким явлением, чем экспериментальные правовые режимы, поскольку включает в себя не только правовые, но и экономические эксперименты.

Признак правовых экспериментов: 1) наличие правовой основы для проведения правового эксперимента; 2) наличие экспериментальных правовых норм; 3) ограниченный масштаб действия экспериментальных правовых норм; 4) познавательный характер; 5) преобразовательный характер; 6) необходимость создания определенных условий, для устранения (уменьшения) влияния побочных факторов; 7) необходимость в установлении строго контроля за ходом проведения правового эксперимента, учета его результатов, обеспечение его достоверности [6].

Поскольку целью настоящего исследования не является комплексное теоретическое исследование понятия и признаков правового эксперимента, предлагается в рамках настоящей статьи использовать вышеуказанные признаки, а также определение, предложенное В.И. Никитинским.

В современных правовых исследованиях существует множество классификаций правовых экспериментов (см., напр.: [15; 16]). При этом возникают правовые режимы, обладающие признаками экспериментальности, которые официально не выделяются государством в качестве экспериментальных правовых режимов. Такие правовые режимы также не по-

¹ Regulatory sandbox lessons learned report / Financial Conduct Authority. October 2017. 20 p. URL: <https://www.fca.org.uk/publication/research-and-data/regulatory-sandbox-lessons-learned-report.pdf>.

² Vella H. Malaysia: Central bank issues first licences for fintech sandbox // Tech Wire Asia. 30 May, 2017. URL: <https://techwireasia.com/2017/05/malaysia-central-bank-issues-first-licences-fintech-sandbox/>.

³ FinTech Update: Thailand's FinTech Regulatory Sandbox / Baker & McKenzie. October 2016. URL: https://www.bakermckenzie.com/-/media/files/insight/publications/2016/10/fintech-update/al_bangkok_fintechsandbox_oct16.pdf?la=en.

⁴ Hong Kong launches regulatory sandbox in wake of developments in Australia, Malaysia, Singapore, and the UK / Herbert Smith Freehills. 5 October 2016. URL: <https://hsfnotes.com/fsrandcorpcrime/2016/10/05/hong-kong-launches-regulatory-sandbox-in-wake-of-developments-in-australia-malaysia-singapore-and-the-uk/>.

падают в поле изучения ученых-юристов, занимающихся исследованием правовых экспериментов. Однако текущие изменения государственно-правового регулирования, вызванные мировой эпидемией коронавирусной инфекции COVID-19, актуализировали данную проблему, еще раз указав на экспериментальный характер отдельных правовых режимов и правового регулирования.

В связи с этим для изучения сущности современных экспериментальных правовых режимов предлагается классифицировать их **по цели экспериментального законодательства** следующим образом: оптимизирующие, прогрессивистские и мобилизационные правовые режимы.

2. Оптимизирующий правовой эксперимент

Первый вид правового эксперимента можно охарактеризовать как оптимизирующий правовой эксперимент. Инициатива внесения изменения в действующее законодательство в таком случае принадлежит государству: законодатель устанавливает ограниченные правовые режимы для проверки гипотезы: улучшится ли развитие общественных отношений в случае изменения законодательства. При этом область регулирования является сложной, а задачи, стоящие перед новым регулированием, – комплексными. Таким образом, поспешное изменение регулирования без проведения эксперимента может повлечь за собой негативные для общества последствия. Соблюдение прав и законных интересов лиц требует оценки последствий воздействия нового законодательства.

Например, с 2001 г. правовой эксперимент по введению ювенальной юстиции проводился в Москве, Санкт-Петербурге, Ростовской и Саратовской областях. Затем данный эксперимент был продолжен в Камчатской области, Ленинградской обла-

сти, Хабаровском крае, Пермской, Ивановской, Нижегородской, Свердловской, Ульяновской, Липецкой, Кемеровской областях [17]. Однако в связи с активным сопротивлением общественности, а также консервативным поворотом политики российского государства полноценная система ювенальной юстиции, включающая специальные правовые процедуры и нормативно-правовую базу, в Российской Федерации не создана до сих пор.

3. Прогрессивистский правовой эксперимент

При прогрессивистском правовом эксперименте создание экспериментальных правовых режимов является попыткой повышения эффективности действующих правовых норм, направленной на рост экономического и технологического развития. В данном случае законодатель предлагает правоприменителю в ограниченном режиме протестировать новые варианты правового регулирования, включая дерегулирование отдельных процессов. Ожидаемым эффектом является создание новых механизмов регулирования, учитывающих специфику новых процессов. Это является превенцией от того, чтобы излишнее или архаичное правовое регулирование стало препятствием для развития (подробнее см.: [18]). К примерам данных режимов могут быть отнесены «регулятивные песочницы»⁵, электронные трудовые книжки⁶, предоставление бесплатного доступа к социально значимым информационным ресурсам в сети «Интернет»⁷ и т. д.

К оптимизирующим и прогрессивистским правовым экспериментам можно отнести выделяемые Д. М. Степаненко цели социально-правового эксперимента, связанные с инновационной функцией государства. Их глобальной целью является исследование текущего уровня эффективности реализации государством инновационной функции и повыше-

⁵ Проект Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: подгот. Минэкономразвития России: ID проекта 04/13/07-19/00093066 (ред. до внесения в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 11.07.2019).

⁶ Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 122-ФЗ «О проведении эксперимента по использованию электронных документов, связанных с работой» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 17. Ст. 2700.

⁷ Приказ Минкомсвязи России от 31 марта 2020 г. № 148 (ред. от 15 июня 2020 г.) «О проведении эксперимента об оказании гражданам на безвозмездной основе услуг связи по передаче данных и по предоставлению доступа к ин-

формационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации для использования социально значимых информационных ресурсов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»». В данном виде документ опубликован не был. Первоначальная редакция приказа: URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/7146/> (дата обращения: 17.07.2020). 15 июня 2020 г. внесены изменения приказом Минкомсвязи России от 15 июня 2020 г. № 280 «О внесении изменений в перечень социально значимых информационных ресурсов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», утвержденный приказом Минкомсвязи России от 31 марта 2020 г. № 148». URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/7198/#tdocumentcontent> (дата обращения: 17.07.2020).

ние указанной эффективности. Локальные цели заключаются в проверке гипотез об эффективности той или иной правотворческой идеи, связанной с регулированием инновационной деятельности и ее поддержкой при помощи правовых средств, об эффективности действия экспериментальных норм национального инновационного законодательства [19, с. 41].

При этом если основной целью оптимизирующего правового эксперимента является создание нового явления (ювенальная юстиция, муниципальная милиция, специальный налоговый режим и т. д.) для решения комплексной проблемы, то целью прогрессивистских правовых экспериментов является создание нового специфического регулирования (или дерегулирования) для экономического и технологического развития. Концептуализировать цель таких экспериментов представляется возможным через категорию *smart regulation* («умное регулирование»), требующую постоянного и систематического совершенствования качества регулирования за счет комплексной оценки воздействия на каждом этапе принятия решения, его реализации и мониторинга, четкой координации заинтересованных государственных органов и учета мнения всех целевых групп воздействия [20, с. 76].

4. Мобилизационный правовой эксперимент

Существенно отличается третий вариант установления правовых экспериментов – мобилизационные правовые режимы, целью которых является устранение негативных последствий от внешних факторов. В данном случае законодатель или правоприменитель устанавливает экспериментальный правовой режим, распространение в пространстве и времени которого обусловлено каким-либо возникшим явлением, чаще всего представляющим угрозу для человека, общества или государства. Подобные эксперименты характерны в условиях военных или боевых действий, технологических и природных катастроф, пандемий. Наиболее актуальным примером для многих стран является эпидемия коронавирусной инфекции COVID-19, парализовавшая мобильность людей, отдельные отрасли мировой экономики и изменившая социальный, политический и экономический уклад современного мира.

Отметим, что эксперимент может происходить как в связи с созданием и вступлением в силу новых

специальных правовых норм, где ключевым актором является *законодатель*, так и в связи с интерпретацией уже существующих норм, учитывающей изменившиеся обстоятельства. Во втором случае важную роль играет *правоприменитель*. В качестве примера можно привести приостановление производства по гражданским делам судами общей юрисдикции. Формально ст. 216 Гражданского процессуального кодекса (далее – ГПК) РФ не предусматривает эпидемию или установление ограничительных мер на определенной территории в качестве основания для приостановления производства по делу. Наиболее похожим законодательно установленным обстоятельством является нахождение стороны в лечебном учреждении. Вместе с тем Верховный Суд РФ, ссылаясь на ч. 4 ст. 1 ГПК РФ, предусматривающую, что «в случае отсутствия нормы процессуального права, регулирующей отношения, возникшие в ходе гражданского судопроизводства, федеральные суды общей юрисдикции и мировые судьи применяют норму, регулирующую сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии такой нормы действуют исходя из принципов осуществления правосудия в Российской Федерации (аналогия права)», указывает на право судов приостановить производство по делу в случаях, если лица, участвующие в деле, лишены возможности присутствовать в судебном заседании в связи с принимаемыми ограничительными мерами по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции⁸.

Рассмотрим подробнее вопрос о новых правовых нормах, устанавливающих мобилизационные экспериментальные правовые режимы. В Российской Федерации было принято большое количество мер, направленных на недопущение распространения COVID-19 и минимизацию последствий для жизни и здоровья российских граждан. Основным отличием мобилизационных экспериментальных правовых режимов от прогрессивистских является их направленность на сохранение уже имеющегося состояния общественных отношений, а также недопущение распространения возможных негативных последствий. Если прогрессивистские режимы стремятся к улучшению уже достигнутого, то мобилизационные – к сохранению имеющегося уровня (ресурсов, безопасности, инфраструктуры).

⁸ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской

Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21 апр. 2020 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 5. Май.

Так, при установлении ограничительных мер в Российской Федерации возник вопрос о реальных механизмах их обеспечения, включая санкции за нарушение таких правовых режимов. Поскольку на период пандемии COVID-19 предусмотренные российским законодательством режимы чрезвычайного положения или чрезвычайной ситуации официально установлены на территории Российской Федерации не были, действующее на тот момент законодательство было не в полной мере адаптировано к возникшей ситуации.

В связи с этим правовым режимом, на основе которого развивалась правоприменительная практика в 2020–2021 гг., стал режим повышенной готовности, предусмотренный п. «м» ч. 1 ст. 11 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ (ред. от 26 мая 2021 г.) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», предполагающим, что органы государственной власти субъектов Российской Федерации принимают решения об отнесении возникших чрезвычайных ситуаций к чрезвычайным ситуациям регионального или межмуниципального характера, вводят режим повышенной готовности или чрезвычайной ситуации для соответствующих органов управления и сил единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. В результате во всех регионах актами глав субъектов Российской Федерации был установлен режим повышенной готовности на соответствующей территории⁹.

Проблемой явилось отсутствие санкции за нарушение вышеуказанного режима, в отличие от нарушения требований норм и правил по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций. В ре-

зультате 1 апреля 2020 г. были экстренно приняты поправки в Кодекс РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), установившие административную ответственность за невыполнение правил поведения при введении режима повышенной готовности на территории, на которой существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации, или в зоне чрезвычайной ситуации (ст. 20.6.1 КоАП РФ)¹⁰, а также за нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, выразившееся в нарушении действующих санитарных правил и гигиенических нормативов, невыполнении санитарно-гигиенических и противоэпидемических мероприятий совершенные в период режима чрезвычайной ситуации или при возникновении угрозы распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, либо в период осуществления на соответствующей территории ограничительных мероприятий (карантина), либо невыполнение в установленный срок выданного в указанные периоды законного предписания (постановления) или требования органа (должностного лица), осуществляющего федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор, о проведении санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий (ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ). Также были приняты региональные поправки, устанавливающие специальные нормы в отношении правонарушений, совершенных на территории субъектов Российской Федерации, например ст. 3.18.1 Кодекса об административных правонарушениях г. Москвы, вступившая в силу также 1 апреля 2020 г.¹¹

Между тем интерес представляет наполнение правовым содержанием ранее практически не ис-

⁹ См., напр.: Постановление Губернатора Волгоградской области от 15 марта 2020 г. № 179 «О введении режима повышенной готовности функционирования органов управления, сил и средств территориальной подсистемы Волгоградской области единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/3400202003160004> (дата обращения: 27.06.2021).

¹⁰ Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации в своей «Позиции Комитета по применению новой статьи 20.6.1 КоАП РФ и по принятию дополнительных мер по защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации» указывает, что «экстраординарная ситуация, сложившаяся в связи с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции,

вызвала необходимость принятия экстраординарных и срочных мер, в том числе связанных с внесением изменений в действующее законодательство. В связи с этим в ускоренном порядке был рассмотрен, принят и введен в действие Федеральный закон от 1 апреля 2020 года № 99-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» // Комитет Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления: офиц. сайт. URL: <http://komitet4.km.duma.gov.ru/Voprosy-i-otvety/Razyasneniya-po-otdelnym-voprosam/item/22485121> (дата обращения: 17.07.2020).

¹¹ Закон № 6 от 1 апреля 2020 г. «О внесении изменений в статьи 2 и 8 Закона города Москвы от 10 декабря 2003 года № 77 «Об общественных пунктах охраны порядка в городе

пользуемого правового режима¹². Полагаем, что режим повышенной готовности допускает возможность его расширительного толкования, а также конкретизацию и наполнение различными предписаниями (в зависимости от субъекта, объекта или территории). Классическим его проявлением стало обязательное ношение одноразовых медицинских масок и перчаток в общественных местах. Некоторые регионы, включая Москву¹³, ввели обязанность получения так называемого цифрового пропуска для передвижения по городу. Отметим, что ранее данная категория не была закреплена законодательно, в связи с чем представляется спорным ограничение конституционного права на передвижение нормативными актами глав субъектов Российской Федерации, а не федеральным законодательством, как того требует ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Таким образом, законодатель и правоприменитель идут на определенную юридическую уловку: формально ограничение прав происходит на основании Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», однако фактически требуется соблюдение предписаний, наполняющих данный режим содержанием и устанавливающих дополнительные обязанности, закрепленные подзаконными нормативными правовыми актами. С одной стороны, такая правовая конструкция является допустимой и уместной в сложившихся стремительно изменяющихся обстоятельствах, с другой – допускающей усиление государственного контроля любого объема и вида.

Москве» и Закон города Москвы от 21 ноября 2007 года № 45 «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях» // Мэр Москвы: офиц. сайт. URL: [https://www.mos.ru/upload/documents/docs/Zakon6\(8\).pdf](https://www.mos.ru/upload/documents/docs/Zakon6(8).pdf) (дата обращения: 17.07.2020).

¹² Единственный случай установления режима повышенной готовности до 2020 г., который удалось найти автору, относится к 2016 г. Тогда режим повышенной готовности был установлен в связи с обилием выпавших осадков на территории муниципального образования г. Краснодар, возникновением угрозы подтопления участков территорий муниципального образования г. Краснодар, объектов экономики и домовладений для органов управления и сил Краснодарского муниципального звена территориальной подсистемы единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций на территории муниципального образования г. Краснодар в соответствии с постановлением администрации муниципального образования г.

В условиях необходимости оперативного законотворчества в сфере экспериментальных правовых режимов мобилизационного вида возникают и иные коллизии. Например, на территории Волгоградской области постановлением губернатора от 15 июня 2020 г. № 374 предписано установить персональную ответственность руководителей организаций и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих свою деятельность на территории Волгоградской области и являющихся работодателями, за исполнение требований, установленных данным постановлением, а также за соблюдение требований, установленных данным постановлением, работниками, привлекаемыми ими к трудовой деятельности, в период действия режима повышенной готовности¹⁴. Очевидно, что подзаконным нормативным правовым актом субъекта федерации не может устанавливаться новый вид юридической ответственности, а используемая категория персональной ответственности не является правовой и, как следствие, не допускается привлечение руководителей хозяйствующих субъектов к данному виду ответственности.

5. Теоретические основания выделения мобилизационных экспериментальных правовых режимов

Полагаем, что выделение отдельных мобилизационных экспериментальных правовых режимов может столкнуться с определенной критикой. Если «режимность» [2] устанавливаемых ограничений не вызывает сомнений, то «экспериментальность» требует дополнительного обоснования. Правовые нормы, соблюдение которых требуется при установ-

Краснодар от 2 июня 2016 г. № 2275 «О введении режима функционирования «Повышенная готовность» на территории муниципального образования город Краснодар» (как следует из определения Краснодарского краевого суда от 30 янв. 2017 г. № 44Г-84/2017).

¹³ См.: Указ Мэра г. Москвы от 11 апреля 2020 г. № 43-УМ «Об утверждении Порядка оформления и использования цифровых пропусков для передвижения по территории города Москвы в период действия режима повышенной готовности в городе Москве».

¹⁴ См., напр.: п. 6 постановления Губернатора Волгоградской области от 15 июня 2020 г. № 374 «О внесении изменения в постановление Губернатора Волгоградской области от 15 марта 2020 г. № 179 «О введении режима повышенной готовности функционирования органов управления, сил и средств территориальной подсистемы Волгоградской области единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций»».

лении режима повышенной готовности, имеют ограниченный в пространстве и времени масштаб действий. Ограничение, устанавливаемое до определенной даты, события или истечения срока, в зарубежной правовой системе называют *sunset provision*. Например, обязательность использования медицинских масок и перчаток в общественных местах, необходимость соблюдения физической дистанции и прочие ограничительные меры устанавливаются не как обязательный атрибут соблюдения законодательства, а как временные требования, необходимые к действию исключительно на период распространения коронавирусной инфекции COVID-19. Устанавливается ограниченный характер отдельных норм и в пространстве. В частности, цифровые пропуска для передвижения граждан были обязательными в одних регионах, однако отсутствовали как явление в других. Данные примеры позволяют сделать вывод об экспериментальности таких мер. Таким образом, полагаем возможным отнести правовые режимы (в том числе режим повышенной готовности, являющийся временным и ограниченным в пространстве, а также обладающий различным содержанием в зависимости от субъекта, на территории которого он установлен), возникающие для предотвращения распространения COVID-19, к экспериментальным правовым режимам мобилизационного вида, чем и обусловлена их специфика, а также отличия от традиционно изучаемых в течение последних нескольких лет в науке конституционных экспериментов или экспериментальных правовых режимов, связанных с цифровыми инновациями и финансовыми технологиями.

Другим направлением предполагаемой критики выделения экспериментальных правовых режимов мобилизационного вида может выступать отсутствие оценки правовых экспериментов. Однако данная ситуация является достаточно распространенной для российского экспериментального законодательства. В.Н. Ельцов отмечает, что не всегда существует научно-исследовательская программа проведения эксперимента, а «качество проработки вопросов организации и проведения правовых экспериментов находится на низком уровне» [21, с. 572]. В некоторых случаях решения о проведении правовых экспериментов принимаются спонтанно, под воздействием политических лозунгов или других

факторов. При этом мониторинги и предварительные оценки итогов эксперимента происходят лишь иногда [21, с. 573]. Например, Указ Президента РФ о завершении эксперимента по охране общественного порядка муниципальной милицией¹⁵ не содержал вывода, итога или оценки проведенного эксперимента [22, с. 125].

Так, за период с 1993 по 2019 г. показатели достижения цели были определены в федеральных законах в 0 % случаев, в указах Президента РФ – в 11,1 % случаев, в постановлениях Правительства РФ – в 0 % случаев; механизм оценки эффективности в федеральных законах – в 29,1 % случаев, в указах Президента РФ – в 33,3 % случаев, в постановлениях Правительства РФ – в 75,5 % случаев [23, с. 32–34]. При этом авторами исследования были изучены именно нормативно-правовые акты, которые прямо указывали на свою относимость к установлению и проведению правовых экспериментов.

Кроме того, отметим, что фактические правовые эксперименты не всегда соответствующим образом поименованы или репрезентуются как таковые законодателем и правоприменителем. Яркий пример приводит А.П. Анисимов, описывая неофициальный правовой эксперимент, начавшийся в 2007 г., когда «федеральные органы власти начали процесс создания и практической апробации новых правовых процедур и технологий, связанных с изъятием земельных участков у граждан и юридических лиц для государственных нужд по упрощенной процедуре, не предполагающей сложной системы гарантий прав частных собственников» [24, с. 6].

Еще одной отличительной чертой, выступающей в качестве маркера, разграничивающего экспериментальные прогрессивистские и мобилизационные правовые режимы (а также часть оптимизирующих), является императивность или диспозитивность участия в правовом эксперименте. В случае тестирования правового регулирования для его развития или развития регулируемой предметной области участники экспериментального режима могут присоединиться к нему в добровольном порядке, самостоятельно выбирая, воспользоваться ли им предлагаемыми условиями. В основном участниками выступают частные организации, заинтересованные в получении потенциальных преференций. Публичный и частный интерес объединяются единой целью – эко-

¹⁵ Указ Президента РФ от 2 июня 2000 г. № 1011 «О завершении эксперимента по организации охраны общественного порядка органами местного самоуправления» // Со-

брание законодательства Российской Федерации. 2000. № 23. Ст. 2386.

номическое развитие. При устранении или превенции негативных последствий от внешних факторов такого права выбора нет. Участниками нового экспериментального мобилизационного режима становятся все субъекты, расположенные на определенной территории или выбранные по иному критерию.

6. Правовые гарантии экспериментальных правовых режимов мобилизационного вида

В связи с вышеизложенным возникает вопрос о конституционности ограничений, устанавливаемых экспериментальными мобилизационными правовыми режимами. Полагаем, что действующее законодательство оказалось не в полной мере готово к рискам и стремительным изменениям общественных отношений, вызванных COVID-19. Однако в подобных ситуациях законодатель и правоприменитель обязаны исключить произвольную интерпретацию правовых норм в целях их наполнения различным содержанием, обусловленным ситуативной необходимостью. Государству необходимо выступать в качестве главного защитника юридических процедур, соблюдение которых позволяет сохранить ценность права как такового. Изменение действующего законодательства и его последующее применение должно происходить только в строго процедурных формах законодательного и правоприменительного процессов.

Развитие мобилизационных экспериментальных правовых режимов заключается в их легитимации, повышении законности таких режимов. Для этого требуется создание правовых гарантий, к которым мы предлагаем отнести **цели правового эксперимента и оценку их последствий**.

Правовой эксперимент – это всегда ограничение принципа правовой определенности. Государство временно или выборочно меняет условия игры для достижения определенного результата. Ожидаемый результат – это заранее определенная цель, гипотеза о возможности достижения которой проверяется в ходе правового эксперимента. Следовательно, представляется справедливым и обоснованным указание *цели* при установлении правового эксперимента, особенно мобилизационного характера. При этом средством контроля за ходом эксперимента является также и его *оценка*, в связи с чем обязательна методология определения результатов эксперимента. Эффективность оценки также может повысить привлечение экспертов и общественности [25, с. 132]. Отсутствие научно проработанных механизмов оценки хода и итогов проведения экспери-

мента является распространенной чертой, выделяемой исследователями отраслевых правовых экспериментов (см., напр.: [26]). Отсутствие возможности оценки правового эксперимента лишает его участников возможности доказать неэффективность устанавливаемых ограничений.

Таким образом, для ограничений правовой определенности, вызванных правовым экспериментом, должны быть основания. Их проявлением выступает цель и критерии оценки, с помощью которых можно определить, соответствуют ли последствия установления эксперимента целям нового правового регулирования. В противном случае возникает риск необоснованного ущемления прав и законных интересов граждан.

7. Выводы

Понятие экспериментального правового режима является комбинацией изучаемых в теории права категорий «правовой режим» и «правовой эксперимент». При этом в современной научной литературе в большинстве случаев исследуется только один вид правовых экспериментов – «регулятивные песочницы». Вместе с тем экспериментальные правовые режимы являются более широким правовым явлением, включающим в себя не только регулирование сферы цифровых инноваций, но и иные ограничительно действующие во времени и пространстве нормы.

Кроме того, существуют правовые режимы, обладающие признаками экспериментальности, официально не выделяемые государством в качестве экспериментальных правовых режимов. В работе изучен опыт, возникновение которого обусловлено современными изменениями государственно-правового регулирования, вызванными мировой эпидемией коронавирусной инфекции COVID-19, в результате чего предлагается классифицировать современные экспериментальные правовые режимы по цели экспериментального законодательства, выделяя экспериментальные правовые режимы оптимизирующего, прогрессивистского и мобилизационного видов.

Основной целью оптимизирующего правового эксперимента является создание нового явления (ювенальная юстиция, муниципальная милиция, специальный налоговый режим и т. д.) для решения комплексной проблемы. При этом целью прогрессивистских правовых экспериментов («регулятивные песочницы»), электронные трудовые книжки, предоставление бесплатного доступа к социально значи-

мым информационным ресурсам в сети «Интернет» и т. д.) является создание нового специфического регулирования (так называемое «умное регулирование») для экономического и технологического развития. В свою очередь, целью экспериментальных мобилизационных правовых режимов является сохранение уже имеющегося состояния общественных отношений, а также недопущение распространения возможных негативных последствий.

При этом установленный для предотвращения распространения COVID-19 в субъектах Российской Федерации в 2020 г. режим повышенной готовности,

являющийся временным и ограниченным в пространстве, а также обладающий различным содержанием в зависимости от субъекта, на территории которого он установлен, представляется возможным отнести к экспериментальным правовым режимам мобилизационного вида.

Между тем, учитывая факторы, обуславливающие необходимость принятия данных ограничений, конституционность и законность мобилизационных режимов необходимо обеспечивать с помощью правовых гарантий, к которой относятся цели правового эксперимента и оценка их последствий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве / С. С. Алексеев. – М., 1989. – 288 с.
2. Беляева Г. С. Понятие правового режима в теории права: основные подходы / Г. С. Беляева // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2012. – Доп. вып. (85). – С. 26–31.
3. Cowan T. A. The design of legal experiment / T. A. Cowan // Journal of Legal Education. – 1954. – Vol. 6, no. 4. – P. 520–538.
4. Zeisel H. Some Reflections on Legal Experimentation / H. Zeisel // Stanford Law Review. – 1986. – Vol. 8. – P. 730–748.
5. Правовой эксперимент и совершенствование законодательства / под ред. В. И. Никитинского, И. С. Самощенко. – М.: Юридическая литература, 1988. – 304 с.
6. Ельцов В. Н. Правовой эксперимент в современной России: проблемы эффективности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. Н. Ельцов. – Тамбов, 2009. – 21 с.
7. Сивицкий В. А. Правовой эксперимент и развитие права / В. А. Сивицкий, М. Ю. Сорокин // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. – № 4. – С. 15–30.
8. Достов В. Л. Институт «регулятивных песочниц» как инструмент поддержки финансовых инноваций / В. Л. Достов, П. М. Шуст, Е. С. Рябкова // Деньги и кредит. – 2016. – № 10. – С. 51–56.
9. Алексеенко А. А. Правовой статус и порядок работы регулятивной песочницы Центрального Банка Российской Федерации / А. А. Алексеенко // Аллея Науки. – 2018. – № 7 (23). – С. 508–512.
10. Андропова Т. А. Регулятивная песочница: традиции vs. инновации / Т. А. Андропова, О. А. Тарасенко // Банковское право. – 2018. – № 3. – С. 31–36.
11. Куклина Е. А. К вопросу об особых правовых режимах в условиях цифровой экономики («регуляторных песочницах») / Е. А. Куклина // Управленческое консультирование. – 2019. – № 7. – С. 39–49. – DOI: 10.22394/1726-1139-2019-7-39-49.
12. Jenik I. Regulatory Sandboxes and Financial Inclusion: Working Paper / I. Jenik, K. Lauer. – Washington, D.C.: CGAP, 2017. – ii, 20 p. – URL: <https://www.cgap.org/sites/default/files/Working-Paper-Regulatory-Sandboxes-Oct-2017.pdf>.
13. Makarov V. O. On the Concept of Regulatory Sandboxes / V. O. Makarov, M. L. Davydova // ISC 2020: "Smart Technologies" for Society, State and Economy / eds. E. G. Popkova, B. S. Sergi. – Springer, 2021. – P. 1014–1020. – (Lecture Notes in Networks and Systems, vol. 155). – DOI: 10.1007/978-3-030-59126-7_112.
14. Наумов В. Б. Право в эпоху цифровой трансформации: в поисках решений / В. Б. Наумов // Российское право: образование, практика, наука. – 2018. – № 6 (108). – С. 4–11.
15. Фатьянов И. В. Классификации правотворческих экспериментов и их место в правовой системе / И. В. Фатьянов // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2013. – № 3 (9). – С. 20–28.
16. Миронов А. Эксперимент в правовой сфере / А. Миронов // Государственная служба. – 2009. – № 5 (61). – С. 115–116.

17. Загайнова Г. Г. Конституционно-правовой эксперимент по внедрению ювенальной юстиции / Г. Г. Загайнова // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2018. – № 8 (99). – С. 67–70.
18. Davydova M. L. Experimental Legal Regimes (Regulatory Sandboxes): Theoretical Problems and Implementation Prospects in Modern Russia / M. L. Davydova, V. O. Makarov // CRFMELD 2019: Competitive Russia: Foresight Model of Economic and Legal Development in the Digital Age : Proceedings of the International Scientific Conference in Memory of Oleg Inshakov (1952-2018) / eds. A. O. Inshakova, E. I. Inshakova. – Springer, 2020. – P. 577–584. – (Lecture Notes in Networks and Systems, vol. 110). – DOI: 10.1007/978-3-030-45913-0_68.
19. Степаненко Д. М. Метод социально-правового эксперимента в системе исследования эффективности инновационной функции государства / Д. М. Степаненко // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя Д, Эканоміка, сацыялогія, права. – 2018. – № 1. – С. 37–45.
20. Давыдова М. Л. «Умное регулирование» в контексте правовой коммуникации государства и общества / М. Л. Давыдова // Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт : сб. тр. междунар. науч. конф. (Воронеж, 11–12 сент. 2020 г.) / редкол.: М. А. Беляев, В. В. Денисенко. – Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2020. – С. 73–76.
21. Ельцов В. Н. Правовые эксперименты в современной России: оценка эффективности / В. Н. Ельцов // Вестник ТГУ. – 2008. – № 11 (67). – С. 569–574.
22. Загайнова Г. Г. Муниципальная милиция (милиция общественной безопасности) – попытка конституционно-правового эксперимента / Г. Г. Загайнова // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 4. – С. 124–126.
23. Экспериментальные правовые режимы: зарубежный опыт и российский старт / науч. ред. В. Н. Южаков. – М. : Дело, 2020. – 126 с.
24. Анисимов А. П. Правовой эксперимент в земельном праве: вопросы теории / А. П. Анисимов // Аграрное и земельное право. – 2016. – № 10 (142). – С. 4–10.
25. Завьялова Е. Механизм регуляторных «песочниц» для внедрения цифровых инноваций: опыт внедрения экспериментальных правовых режимов на национальном и наднациональном уровне / Е. Завьялова, Д. Крыканов, К. Патрунина // Право и управление. XXI век. – 2019. – № 15(4). – С. 130–138. – DOI: 10.24833/2073-8420-2019-4-53-130-138.
26. Тепляшин П. В. Правовой эксперимент в сфере исполнения уголовных наказаний: теоретические основы / П. В. Тепляшин // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2018. – № 4 (57). – С. 150–155. – DOI: 10.25513/1990-5173.2018.4.150-155.

REFERENCES

1. Alekseev S.S. *General permissions and general prohibitions in Soviet law*. Moscow, 1989. 288 p. (In Russ.).
2. Belyaeva G.S. The concept of the legal regime in the theory of law: the main approaches. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii*, 2012, add. iss. 85, pp. 26–31. (In Russ.).
3. Cowan T.A. The design of legal experiment. *Journal of Legal Education*, 1954, vol. 6, no. 4, pp. 520–538.
4. Zeisel H. Some Reflections on Legal Experimentation. *Stanford Law Review*, 1956, vol. 8, pp. 730–748.
5. Nikitinskii V.I., Samoshchenko I.S. (eds.) *Legal experiment and improvement of legislation*. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 1988. 304 p. (In Russ.).
6. Eltsov V.N. *Legal experiment in modern Russia: problems of efficiency*, Cand. Diss. Thesis. Tambov, 2009. 21 p. (In Russ.).
7. Sivitsky V.A., Sorokin M.Yu. Legal experiment and development of law. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, 2016, no. 4, pp. 15–30. (In Russ.).
8. Dostov V.L., Shust P.M., Ryabkova E.S. Institute of "Regulatory Sandboxes" as a Tool to Support Financial Innovation. *Den'gi i kredit*, 2016, no. 10, pp. 51–56. (In Russ.).
9. Alekseenko A.A. Legal status and operating procedure of the regulatory sandbox of the Central Bank of the Russian Federation. *Alleya Nauki*, 2018, no. 7 (23), pp. 508–512. (In Russ.).

10. Andronova T.A., Tarasenko O.A. The Regulatory Sandbox: Tradition vs. innovations. *Bankovskoe pravo*, 2018, no. 3, pp. 31–36. (In Russ.).
11. Kuklina E.A. On the issue of special legal regimes in the digital economy ("regulatory sandboxes"). *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 2019, no. 7, pp. 39–49. DOI: 10.22394/1726-1139-2019-7-39-49. (In Russ.).
12. Jenik I., Lauer K. *Regulatory Sandboxes and Financial Inclusion*, Working Paper. Washington, D.C., CGAP Publ., 2017. ii, 20 p. Available at: <https://www.cgap.org/sites/default/files/Working-Paper-Regulatory-Sandboxes-Oct-2017.pdf>.
13. Makarov V.O., Davydova M.L. On the Concept of Regulatory Sandboxes, in: Popkova E.G., Sergi B.S. (eds.) *ISC 2020: "Smart Technologies" for Society, State and Economy*, Lecture Notes in Networks and Systems, vol. 155, Springer Publ., 2021, pp. 1014–1020. DOI: 10.1007/978-3-030-59126-7_112.
14. Naumov V.B. Law in the era of digital transformation: in search of solutions. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2018, no. 6 (108), pp. 4–11. (In Russ.).
15. Fat'yanov I.V. Classifications of law-making experiments and their place in the legal system. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*, 2013, no. 3 (9), pp. 20–28. (In Russ.).
16. Mironov A. Experiment in the legal field. *Gosudarstvennaya sluzhba*, 2009, no. 5 (61), pp. 115–116. (In Russ.).
17. Zagaynova G.G. Constitutional and legal experiment on the introduction of juvenile justice. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*, 2018, no. 8 (99), pp. 67–70. (In Russ.).
18. Davydova M.L., Makarov V.O. Experimental Legal Regimes (Regulatory Sandboxes): Theoretical Problems and Implementation Prospects in Modern Russia, in: Inshakova A.O., Inshakova E.I. (eds.) *CRFMELD 2019: Competitive Russia: Foresight Model of Economic and Legal Development in the Digital Age*, Proceedings of the International Scientific Conference in Memory of Oleg Inshakov (1952-2018), Lecture Notes in Networks and Systems, vol. 110, Springer Publ., 2020, pp. 577–584. DOI: 10.1007/978-3-030-45913-0_68.
19. Stepanenko D.M. The method of social and legal experiment in the system of research on the effectiveness of the state innovation function. *Vestnik Magileyskaya dzyarzhaynaya yuniversiteta imya A. A. Kulyashova. Seryya D, Ekonomika, satsyyalogiya, prava*, 2018, no. 1, pp. 37–45. (In Russ.).
20. Davydova M.L. "Smart regulation" in the context of legal communication between the state and society, in: *Pravovaya kommunikatsiya gosudarstva i obshchestva: otechestvennyi i zarubezhnyi opyt*, Collection on the materials of the International scientific conference (Voronezh, September 11–12, 2020), Voronezh, NAUKA-YuNIPRESS Publ., 2020, pp. 73–76. (In Russ.).
21. Eltsov V.N. Legal experiments in modern Russia: estimation of efficiency. *Vestnik TGU*, 2008, no. 11 (67), pp. 569–574. (In Russ.).
22. Zagaynova G.G. Municipal police (police public security) to attempt of constitutional law experiment. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve*, 2018, no. 4, pp. 124–126. (In Russ.).
23. Yuzhakov V.N. (ed.) *Experimental Legal Regimes: Foreign Experience and Russian Start*. Moscow, Delo Publ., 2020. 126 p. (In Russ.).
24. Anisimov A.P. Legal experiment in land law: theoretical questions. *Agrarnoe i zemel'noe pravo*, 2016, no. 10 (142), pp. 4–10. (In Russ.).
25. Zavyalova E.B., Krykanov D.D., Patrunina K.A. The mechanism of regulatory sandboxes for introducing digital innovations: the practice of implementing experimental legal regimes at national and supranational levels. *Pravo i upravlenie. XXI vek = Journal of Law and Administration*, 2019, no. 15(4), pp. 130–138. DOI: 10.24833/2073-8420-2019-4-53-130-138. (In Russ.).
26. Teplyashin P.V. Legal experiment in the sphere of execution of criminal penalties: theoretical basis. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo"*, 2018, no. 4 (57), pp. 150–155. DOI 10.25513/1990-5173.2018.4.150-155. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Макаров Владислав Олегович – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права
Волгоградский государственный университет

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Vladislav O. Makarov – PhD in Law, Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law
Volgograd State University

400062, Россия, г. Волгоград, пр. Университетский,
100

E-mail: makarov.legal@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3818-6328

SPIN-код РИНЦ: 3641-3417; AuthorID: 57208800193

100, Universitetskii pr., Volgograd, 400062, Russia

E-mail: makarov.legal@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3818-6328

RSCI SPIN-code: 3641-3417; AuthorID: 57208800193

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Макаров В.О. Экспериментальные правовые режимы мобилизационного вида как способ правового регулирования в условиях распространения COVID-19 / В.О. Макаров // Правоприменение. – 2021. – Т. 5, № 4. – С. 30–42. – DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(4).30-42.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Makarov V.O. Experimental legal regimes of mobilization type as a method of legal regulation in the context of COVID-19 spread. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2021, vol. 5, no. 4, pp. 30–42. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(4).30-42. (In Russ.).